

У него открытое лицо, внимательные глаза, улыбка обезоруживает, говорит он негромко, но твердо, у него почти спортивная фигура. Беседу начинает он сам.

— Я вижу, первый вопрос вам не дается. Понимаю вас, начинать всегда трудно. Как говорится по-русски: «Хорошее начало — половина дела». Помогу вам. Расскажу об одном простодушном читателе. «Вы Пьер Гамарра?» — спросил этот читатель удивленно. «Да», — ответил я. «Тот самый, что написал такую-то и такую-то книгу?» «Да, а в чем, собственно, дело?» — недоумевал я. «Мне понравились ваши книжки», — сказал он. «Я рад», — ответил я. «Нет, неужели вы тот самый Гамарра?» — снова спросил он растерянно. — А я думал, что все известные писатели уже умерли...» Так вот, перед вами — живой писатель...

— Спешу воспользоваться случаем и спросить: когда рождается писатель?

— Что ж, вопрос и простой, и непростой. Я, например, родился 10 июля 1919 года. Но никто в мире, конечно, не мог бы тогда сказать: родился писатель. Или: родился учитель. В моей жизни были светлые и черные дни. Черные — дни войны, еще подростком я слышал, как стреляли с той стороны Пиренеев, шла война в Испании; через горы к нам добирались беженцы, они уходили от бомбежки, а главное — от фашизма. На всю жизнь я запомнил рассказы испанских детей. «Когда над Испанией светлые лунные ночи, — говорили они, — мы боимся: в такие ночи прилетают самолеты с бомбами». Эти рассказы вошли после в мои книжки... Прошло время, и я стал школьным учителем. А потом началась война... Не могу забыть годы Сопротивления. Повесть под названием «Школьный учитель» рассказывает о них, она одна из тех моих книжек, которые особенно читают во Франции. После второй мировой войны я стал журналистом, работал в провинциальной газете. Это было очень трудно, поверьте. А от журналистики до литературы — всего шаг. И я стал писателем, хотя, быть может, писатель во мне родился куда раньше. Когда? На это, пожалуй, невозможно ответить...

— Известно, что вы дебютировали в литературе как поэт, посвящая стихи борцам Сопротивления. И после регулярно выходили ваши поэтические сборники.

— Многие великие утверждали, что поэзия помогает разуму обрести крылья воображения, остроу и тонкость восприятия и одновременно помогает изучать реальности сегодняшнего дня. Я считаю, надо с раннего детства говорить с ребенком о поэзии, учить понимать ее на произведениях самых великих творцов. Я произношу «поэзия», но это означает и «жизнь», и «мир». Если поэзия говорит о возвышенных страданиях, которые человек вынес ради своего освобождения, если она знает цену пролитой крови и слез (как поется в нашей «Песне партизан»), то она необходима. Создать поэтический мир на земле мира и братства — к этому мы должны стремиться. Поэтический мир не в смысле мира иллюзий, искусственности, тщеславия, а в смысле реальности и плодотворности мечты.

— Вы не бывали в Пиренеях? В Тулузе? Жаль... А я родился в Тулузе, чем очень горжусь. Тулуза — большой торговый и университетский город, столица области, где выращивают злаки, виноград, табак, фрукты; там вокруг — горы, там течет красивейшая река — Гаронна, люди там поныне говорят на язы-

Десяток книг этого популярного французского писателя-коммуниста переведен на русский. Его сказки лиричны, добры, поучительны, его детские повести насыщены удивительными приключениями, а герои их отважны и благородны; его сюжеты остры и полны глубокого социального смысла.

Вновь и вновь Гамарра возвращается к волнующей его теме — войны, мира, патриотизма...

Сегодня Пьер Гамарра — писатель, публицист, критик, редактор литературного журнала «Эроп» — гость нашей 13-й страницы.

— Может быть, чтобы было побольше хороших поэтов, надо как можно раньше учить детей стихосложению?

— Стихосложению? Полагаю, что из этого ничего не выйдет! Некоторые педагоги, стремясь доставить приятное ребенку, всячески поощряют то, что называется «поэзией детей». Естественно, дети с удовольствием занимаются поэтическими упражнениями, но свести только к этому поэзию было бы демагогией. Нужны годы терпения, мук творчества, мечтаний, дерзаний, чтобы сформировался новый поэт — тем более новый Пушкин или новый Элюар. Важно не создавать шестилетних «Пушкиных», а научить всех детей понимать и чувствовать поэзию. Тогда будет больше возможностей для появления завтрашних Пушкиных.

— В ваших книгах, вышедших на русском языке, — «Дети нищеты», «Убийце — Гонкуровская премия», «Пиренейская расподия», «Капитан Весна» — действие в основном происходит на юге страны, во французских Пиренеях. Та же «география» и в других ваших произведениях: «Огненный дом», «Розали Брусс», «Тулузские тайны»... Чем объяснить такое постоянство «места действия»?

— Вы не бывали в Пиренеях? В Тулузе? Жаль... А я родился в Тулузе, чем очень горжусь. Тулуза — большой торговый и университетский город, столица области, где выращивают злаки, виноград, табак, фрукты; там вокруг — горы, там течет красивейшая река — Гаронна, люди там поныне говорят на язы-

— Позвольте такой вопрос: получаете вы от читателей смешные письма?

Пьер ГАМАРРА

ке, который был праотцом французского: на окситанском. Я сын этого края, брат живущих в нем пастухов и охотников. В «Пиренейской расподии» я рассказал о том, что знакомо мне с детства: о земле, о деревне, о лесах, очень памятных, любимых мною. Описывая маленький мирок, я хотел, чтобы в скалах, травах, запахах, в радостях и бедах родных моих Пиренеев отразился трепет жизни всей планеты, зазвучали голоса против грохота войны.

— У вас прослеживается и постоянство темы. Ее можно кратко назвать: война и мир...

— И это вполне объяснимо. Не могу забыть войну! Ребенком я слышал разговоры о войне. На фронтах первой мировой сражался мой отец. Я слышал рассказы, смотрел фильмы, меня это потрясло. Я не хотел, чтобы это повторилось, но это повторялось. Война и мир имеют для меня решающее значение. Не могу забыть войну и не могу забыть, что для счастья нужен мир — для меня, моих детей (их у меня двое), моих внуков (их у меня четверо), для всех людей на земле. Считаю, что, если писатель забудет сегодня о войне и о мире, он в какой-то степени изменит профессиональному долгу...

— Вы сказали «профессиональный долг». Какие еще требования вы предъявляете к людям своей профессии?

— По-моему, писатель, который развращает читателей, не достоин этого звания. Писатель, который поддерживает расизм и ненависть между людьми, распространяет то, что я называю человеческим злом, то, что недостойно человека, не может создать ценное произведение. Для меня писатель, достойный этого звания, — человек, сочетающий в себе художника и гражданина.

— Позвольте такой вопрос: получаете вы от читателей смешные письма?

— Конечно. Автор одного из них спрашивал, разрешается ли писателям жениться. Он приравнял писателя к католическому священнику, к которому, как видно, ходил на исповеди. А один юный читатель выяснял, сколько у меня костюмов и есть ли у меня персональный бассейн. И узнав, что костюмов не много, а бассейн нет, он разочаровался.

— А спрашивают вас, как стать писателем?

— Частенько. Что ответить в таких случаях? «Сначала вы должны хорошо учиться в школе, знать как следует свой язык, любить книги. Пошире раскройте глаза на мир, смотрите, слушайте. Ищите свой стиль... Ремесло наше и интересное, и ужасное. Будьте готовы к трудностям: во французском языке слова «творить», «производить» и «кузнец» — одного корня. Будьте готовы к разочарованиям: то, что вы захотите сказать, может быть, уже сказано задолго до вас, а Толстым или Гюго вы, возможно, так и не станете...»

— Вы случайно назвали Толстого, Гюго?

— Нет, конечно. Люблю Толстого. Под его пером еда — пышная ли аристократическая трапеза или ужин крепостных крестьян — ломоть хлеба с солью — вызывает к жизни целый мир чувств, красок, форм. Именно в способности воплотить целый мир в малейшей детали я вижу величие писателя. И каждому — пусть в скромных пределах — следует учиться этому искусству у великих. У Гюго есть великолепные слова: «Вглядитесь поглубже в народ, и вы увидите истину».

— А что, если проанализировать творчество великих, скажем, с помощью новейшей ЭВМ и составить пособие — как создавать шедевры?

— Бесполезная затея. Никто не знает рецепта для создания

шедевра или точную формулу для написания романа. Нет химического состава или какабалистического знака, которые бы помогли написать гениальную поэму или пьесу. Это задача самого художника, это тайна его дарования, его таланта, его гения... Заметьте, и самые крупные гении, которых называют всемирными, обычно несут отпечаток своей земли. Чехов — русский, Пиранделло — итальянец, Фолкнер — с юга США. В возвышенной песне человеческого разума — в самых прекрасных поэмах — слышатся песни целого народа, всей нации. Мопассан неотделим от Нормандии, Неруда — от чилийской земли. Когда мы читаем у Неруды: «Свобода», то думаем о многих странах, но прежде всего в нашей памяти трепещет пламя Чили... Нет машины, которая писала бы стихи, как Пушкин, или романы, как Горький. И рецептов нет.

— Вы председатель клуба «Друзья детей» во Франции...

— Заботиться о молодежи — значит делать все от нас зависящее, чтобы она на своем пути в Завтра имела возможность выдумывать, творить, была счастлива. Ребенок начинает читать, и для него открываются сокровища куда более роскошные и обильные, чем в пещере Али-Бабы. Но есть книги, которые содержат и отраву. Много лет во Франции идет битва против дурных иллюстрированных книжек-комиксов. Люди разных мировоззрений и профессий борются против этого зла, за настоящую литературу. Эта битва трудна, но не напрасна. Мы вовлекли в нее многих писателей и даже издателей. В итоге издано немало действительно интересных книг для детей.

— В 1977 году вы были почетным гостем Первого детского международного фестиваля в Артеке. Что больше всего запомнилось?

— Вечер, когда дети пяти континентов пришли к Ялтинскому мемориалу почтить память тех, кто отдал свои жизни за нашу жизнь. Вокруг были нежные крымские пейзажи; море сливалось с небом. На древних склонах город зажигал кружевные огни. Мерцали факелы в руках детей. В тот вечер они учились читать свою историю. Учились понимать истинный смысл и значение страданий и смражений прошлого, значение героизма. Это было очень важно! Потому что в наших школьных учебниках история слишком часто выглядит прошлым, давно оставшимся позади и нас не касающимся.

— И, наверное, в Артеке у вас были встречи с читателями?

— Еще бы, ведь у меня много детских книжек. Первая моя детская пьеса «Король Фанфарон» была поставлена в вашем Театре имени Моссосвета. На встречах с читателями я говорил об умении, об искусстве читать. Читать — это уметь видеть за черными маленькими мурвями буковок и знаков лица и пейзажи, понятия и эмоции. Научиться читать — научиться делать открытия, по-своему заново создать для себя «Войну и мир» и «Отверженных»...

Гостя расспрашивал и фотографировал Руслан АРМЕЕВ.